
ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПРАВА: ОТ «ЭВОЛЮЦИИ» К «ВЗРЫВУ»*

М.А. Беляев

Воронежский государственный университет
Факультет философии и психологии
Университетская пл., 1, г. Воронеж, Россия, 394018

В статье сопоставляются две метафоры, используемые в научных целях, с помощью которых принято описывать развитие права. Общая цель работы — рациональная реконструкция указанных метафор, направленная на выявление их эпистемологических и социальных оснований, метод исследования — сравнение научных дискурсов. В результате были получены следующие выводы. С одной стороны, поскольку праву присуща системность, управляемость и рациональность, его развитие может быть названо эволюцией. С другой стороны, поскольку развитие права часто бывает прерывистым, хаотичным, непредсказуемым, его совершенно обоснованно сравнивают со взрывом. Обе метафоры иллюстрируют общенаучный закон перехода количественных изменений в качественные. Показано, что отраженные в этих метафорах разные модели социальной реальности возникают в силу того, что создающие их субъекты занимают различные функциональные места в структуре общества. В этом смысле эволюционным моделям соответствует позиция правоприменителей, а хаотическим — позиция неангажированных теоретиков. Парадокс заключается не в том, что в праве существуют случайности, а в том, что они спокойно уживаются с теми государственно-правовыми закономерностями, которые гарантируют поступательное совершенствование права. Таким образом, наука пока не имеет универсального представления о том, как именно связаны количественные и качественные изменения в праве. Для любой конкретной исследовательской задачи эту связь нужно конструировать заново, что требует учета массы культурных, психологических и антропологических данных.

Ключевые слова: право; государство; юридическая наука; эволюция; юридикация; размножение законов; правовой взрыв; системный метод; рациональность; хаос; дерегуляция

Узнав из пропедевтического курса философии нехитрый тезис о связи количественных изменений с качественными, мало кто из юристов, ведущих научные исследования, осмысленно пользуется этим принципом в дальнейшем, когда от усвоения научного и общекультурного наследия необходимо переходить к постановке оригинальных исследовательских задач и самостоятельной работе по выдвижению гипотез и их дальнейшему обоснованию. А между тем, очевидные свидетельства этой связи можно отыскать повсюду, в том числе в самой сердцевине юриспруденции — теории государства и права. В этом отношении поводом к весьма интересным наблюдениям и выводам выступают ме-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00291.

тафоры, описывающие развитие правовых систем. В настоящей работе будут исследованы две из них — метафора эволюции и дополняющая ее (в зарубежном дискурсе более активно, нежели в отечественном) метафора взрыва. Несмотря на то, что каждое из этих образных сравнений подтверждает один и тот же принцип, за ними скрываются разные картины мира, обретающие реальность благодаря соединению идеологических и познавательных элементов, различающихся по своему содержанию. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить протонаучное содержание названных метафор и довести его до собственно научного уровня (что и предлагается закрепить в понятии модели развития права).

Как свидетельствуют лингвисты, за любым образным сравнением в науке всегда скрывается некая модель, и этот факт весьма важен [1. С. 42]. Если метафоризация (и как процесс, и как результат) не может быть оценена с точки зрения формальной логики, то концептуальная модель, претендующая на выражение научного знания, уже становится истинной (либо ложной). Поэтому сравнение метафор предполагает и сравнение научных моделей, т.е. онтологий или картин мира. Восхождение от образных понятий к строго научным предполагает рациональную реконструкцию, т.е. объяснение того, какие именно закономерности в зашифрованном виде содержатся в той или иной метафоре. В связи с этим именно метод реконструкции будет применяться в данной работе.

Мы начнем наши рассуждения с анализа эволюционной метафоры. Понятие эволюции вначале использовалось только в науках о жизни и лишь спустя какое-то время было перенесено в тезаурус социальных наук (в чем видится следствие некоего биологизаторства, временами все еще возникающего в сообществе социологов, мучительно подыскивающих образы для более точного описания изучаемой реальности). Очевидно, для эволюции родовым понятием выступает развитие. Оно обозначает направленное изменение вещи или иного объекта, сопровождающееся возникновением новых, а также исчезновением прежде существовавших качеств и/или отношений. Развитие — это философская категория, содержание которой универсально и распространяется на все явления природы, общества и субъективной реальности (т.е. психики). Степень универсальности эволюции, естественно, намного меньше. В порядке незначительного упрощения эволюцией можно считать такое развитие, которое:

- а) имеет вполне определенные источники и движущие силы;
- б) протекает в хорошо узнаваемых и эмпирически различимых формах;
- в) представляет собой постепенное изменение свойств и качеств, так что между крайними (существенно различными) формами развивающихся объектов всегда находится некоторое количество промежуточных стадий.

В российском научном дискурсе термины «развитие» и «эволюция» одинаково популярны. Анализ научной периодики в сфере права, вышедшей в свет за последние 10 лет, показывает, что эволюционировать, судя по заголовкам и содержанию публикаций, могут следующие объекты: идеи, понятия, концепции [2]; правовые институты [3]; источники права [4]; государство, его типы, формы, механизмы, функции [5], [6]; правовой статус, его составные части [7]; субъек-

тивные права [8]; меры принуждения, в т.ч. виды и система наказаний [9]; формы защиты прав [10]; способы и пределы правового регулирования [11]; тематика исследований в диссертациях по юриспруденции [12]; персональные взгляды тех или иных ученых [13].

Как видно, круг изменяющихся объектов, составляющих правовую действительность, столь широк, что трудно представить себе (даже в рамках чисто интеллектуального упражнения) явление, которое было бы абсолютно неизменным, застывшим в одной-единственной форме. При этом подавляющее большинство исследователей ссылаются на эволюционность правовых феноменов без должной научной строгости, совершая тем самым подмену понятий. Под эволюцией понимается либо история вопроса (что неоправданно широко), либо модернизация того или иного института права (или механизма публичного управления), что слишком узко.

Очевидно, далеко не всякое развитие можно считать эволюционным. К примеру, когда Б.А. Страшун исследует практику конституционного контроля в России, то первые попытки организации данного института он обнаруживает в Конституции СССР 1924 г. Действительно, среди полномочий Верховного Суда СССР было предусмотрено вынесение заключений о законности постановлений союзных республик с точки зрения Конституции и разрешение судебных споров между союзными республиками. Но последовавшая в 1929 г. реформа Положения о Верховном Суде СССР, де-юре расширив его компетенцию, де-факто сделала реализацию указанных полномочий весьма затруднительной, так что о практическом их осуществлении не было и речи [14]. В связи с этим можно утверждать, что конституционный контроль в Советском Союзе так и не прижился. Но в таком случае, тот факт, что 1 декабря 1988 г. посредством внесения изменений в Конституцию СССР был учрежден Комитет конституционного надзора, отнюдь не составляет непрерывной связи с правовыми положениями 1924 г. Иными словами, мы здесь имеем не развивающийся институт, а дважды осуществленное в рамках государственного строительства введение нового института. Справедливости ради следует заметить, что сам Б.А. Страшун также не считает советские попытки ввести конституционную юстицию частью истории вопроса. Можно отметить, в связи с этим, что данный случай не образует эволюции, коль скоро отсутствует непрерывность: объект возникает, затем исчезает, а гораздо позднее появляется нечто новое, лишь отдаленно и по наименованию сходное с прежним объектом.

Однако, непрерывность не может считаться достаточным признаком эволюции, впрочем, как и повторяемость. Рассмотрим простейший пример: внесение изменений в нормативный правовой акт. Можно ли считать, что тот правовой институт, который, благодаря интенсивно меняющимся законам, обретает новые качества, непременно эволюционирует? На наш взгляд, утвердительно ответить нельзя, поскольку большое количество вносимых изменений, взятое в отдельности от иных обстоятельств и факторов, может говорить о чем угодно, в том числе, о несовершенстве законодательной техники, побудившей вносить исправления в текст закона.

За иллюстрациями далеко ходить не надо: Уголовно-процессуальный кодекс РФ корректируется с поразительной даже для российских реалий частотой: в 2013 г. — 27 изменений и дополнений, в 2014 г. — 30, в 2015 г. — 16 (подсчитано нами — М.Б.). Вряд ли кто-то скажет, что все эти корректировки свидетельствуют об эволюции отдельных институтов уголовного процесса. С другой стороны, сравнительно-правовой анализ, выполненный по отношению к данным нормам, мог бы внести большую определенность и помочь выявить разные типы правового развития в общей массе фактических изменений. Отдельная серьезная проблема для социальных наук — невнимание к различным типам развития, в юриспруденции на эту тему нет даже коротких статей, не говоря уже о диссертационных исследованиях. Может создаться иллюзия, что эволюция, модернизация и прогресс в праве — это одно и то же.

Еще одна важная черта, присущая эволюционному взгляду на развитие права, связана с принципом системности. Для того, чтобы упорядочить социально-правовой материал, исследователь должен разграничивать саму исследуемую систему (право, законодательство, отдельный правовой институт и т.п.) и социальную реальность. Представляется, что для разграничения должны использоваться два критерия: во-первых, качественная однородность элементов, во-вторых, сила связи между ними. Иными словами, право образует систему вследствие того, что его элементы обладают одним и тем же качеством и связаны между собой гораздо сильнее и непосредственнее, нежели с иными элементами. И это действительно так: связь юридических норм между собой очевидна и подчиняется правилам формальной логики и правотворческой техники, а связь права и морали менее заметна, и в ряде случаев вообще отсутствует. В большей степени это верно для связи права и религии. Аналогичный вывод можно сделать, если сравнить право не с иной нормативной системой, а с экономикой или политикой. В обоих случаях мы заметим, что элементы двух систем, различных по назначению и происхождению, не могут между собой взаимодействовать непосредственно, здесь необходима некая «перекодировка языков» (говоря словами Н. Лумана).

Реализация системной методологии в общей теории права позволяет точнее и всестороннее исследовать процессы развития тех или иных норм и институтов, поскольку:

– становится возможным различать внутренние факторы и факторы внешней среды, в числе которых хозяйственные, социальные, идеологические, организационные и т.п. [15. С. 86];

– имеется предпосылка конструктивистского отношения к правопорядку. По словам Ю.А. Веденева, «юридическая деятельность во всех аспектах своего существования и выражения — и по определению и обоснованию нормативных границ социального общения, и по описанию и объяснению социокультурных и политических условий их воспроизводства — образует самостоятельную область социальной действительности и сферу профессиональной практики» [16. С. 8–9]. Взгляд на реальность как совокупность практик и осуществляющих их акторов — вот то новое, онтологически значимое, что приходит в науку с системным подходом;

– как следствие, возникает повод смотреть на изучаемый объект не только с точки зрения его фактического, современного состояния, но и в перспективе будущих его изменений. Как справедливо отмечает М.В. Байтеева, «для осуществления прагматических целей человеку необходимы такие поведенческие диспозиции, которые принципиально отличаются от естественно-природных и определяются системой мотиваций, заполняющих пробелы взаимного поведения культурными и общественными институтами» [17. С. 84]. Возможность целеполагания, данная индивидууму культурой, предполагает системность и организованность поведения и мысли, опирается на способность образовывать вокруг себя новые и более сложные социальные связи. Это верно и по отношению к праву: никакая правовая реформа, ни одна модернизация не может быть реализована без учета многомерных связей, в которые вовлечен правопорядок.

Но почему мы все же уверены в том, что понятие эволюции выступает в юридической науке в качестве метафоры? Думается, ответ будет следующим. С одной стороны, те интуиции, на которые указывает эволюционный подход к праву, довольно понятны: правовая система есть часть культуры, право есть специфический код, система знаков, которая адаптируется к внешним импульсам, но и сама служит фактором адаптации личности к социальному порядку [18. С. 184]. Право позволяет решать определенные публичные задачи, эффективность их решения представляет собой управляемую величину. Знание системных закономерностей права позволяет направлять его развитие в нужную сторону. Что это, если не эволюция? Но с другой стороны, никогда еще правовой науке не удавалось реконструировать историю права как цепочку закономерных изменений, и вовсе не по причине исключительной сложности самого права или когнитивных ограничений познающих субъектов. Просто закономерность — это далеко не все, что обеспечивает целостность и функционирование любой социальной системы. Внутри нее действует и такой фактор, как хаос, т.е. отсутствие закономерностей. Хаос и детерминизм уравнивают друг друга, находятся в отношении взаимной компенсации. Одно не существует без другого, случайность — это действие в праве неправых закономерностей [19. С. 73]. Соответственно, попытки управлять правовой системой, даже если они основаны на глубоко познанных объективных связях, не могут быть постоянно одинаково удачными. Они будут то и дело наталкиваться на невидимое сопротивление со стороны тех или иных случайно сконфигурированных сил — политических или экономических. Более того, право, формализуя социальные конфликты (определяя посредством нормативного моделирования, кто прав в данном конфликте, а кто нет), не достигает здесь абсолюта и не может достигнуть. В публичной сфере, говоря словами Ю. Хабермаса, всегда присутствует потребность переопределить, заново проблематизировать любое формальное установление, даже порой репатриировать проблему из сферы права обратно в политику [20. С. 75]. Поэтому разумность и управляемость в правовой системе преобладают лишь в определенные моменты ее существования, и эти моменты могут не совпадать с историческими периодами, ознаменованными важными событиями. Становится понятно, почему наука их просто не может отследить.

Здесь мы сталкиваемся с одним из серьезных ограничений научной рациональности как таковой.

Итак, нам кажется очевидной вся та условность, с которой термин «эволюция» функционирует в науке права. Не менее условным образным сравнением стоит считать понятие правового взрыва (*legal explosion*). Рассмотрим его подробнее.

Впервые выражение «правовой взрыв» появилось в статье профессора права Стэнфордского университета Дж. Бартона (*J.H. Barton*), задумавшегося над весьма практической проблемой. По мнению Бартона, если динамику роста судебных дел экстраполировать на начало 21 столетия (2001 г.), то федеральные суды (речь идет о США) должны будут рассматривать миллион дел ежегодно, а их решения будут выходить тысячами томов каждый год. Но рост судебных дел, говорит автор, есть не что иное, как видимая часть айсберга, в действительности же право проникает буквально во все стороны американской жизни — незаметно и неотвратно. Источниками права становятся, наряду с судебными решениями и актами парламента, решения федеральных агентств и даже документы страховых компаний и акты корпоративного характера. Увеличивается и количество формуляров и анкет, которые должны заполнять как граждане, так и корпорации. Затраты на юридическое сопровождение сделок растут с космической скоростью и становятся абсурдно завышенными [21]. Чем же можно объяснить столь бурный и неуправляемый рост правовой сферы?

Бартон указывает на несколько основных причин. Во-первых, представляется, что усложнилось само общество, появилось множество новых материальных и духовных благ, которыми можно обмениваться. Люди стали заключать больше сделок, сами сделки стали более разнообразными и сложными, что потребовало и соответствующего регулирования. Во-вторых, в обществе утрачено доверие к отдельному человеку, т.е. индивиду. Он рассматривается как не способный справляться со своими зависимостями и природными ограничениями. Например, человек не может побороть зависимость от наркотиков — и именно поэтому оборот наркотических средств и психотропных веществ должен находиться под строгим контролем. Другой пример: мало кто в состоянии контролировать качество продаваемых в супермаркетах продуктов питания — следовательно, эту функцию на себя должны взять региональные или муниципальные власти. Эту логику можно распространить и на иные правоотношения. Так, большинство государственно-правовых регуляторов существуют потому, что люди не склонны жертвовать своим благом ради общего блага (и вообще не понимают, в чем оно может состоять).

Но эти причины не кажутся очень уж убедительными. Общество — это люди и их ассоциации. Если общество усложнилось, то как же индивиды умудряются сохранять свою беспомощность? Они должны развиваться одновременно с обществом. Снижение компетентности целых масс населения — это социальный регресс, а не прогресс. Но если это и так, то почему издание новых норм ориентировано именно на тех людей, которые не способны что-то понимать или чем-то управлять, а не на свободных, ответственных и креативных личностей?

И даже если случаи с наркотиками и продуктами питания верны, отчего же, например, количество законодательных норм, регулирующих отношения в данной сфере, растет со скоростью, явно непропорциональной развитию рынка? В общем, неудобных вопросов эта схема порождает много, а ответов на них нет.

Экономическая наука, продолжает Бартон, не занята объяснением того, почему растет массив правовых норм. Зато она может весьма иллюстративно показать, что этот рост является вредным, поскольку ведет к завышенным трансакционным издержкам. Отдельные экономисты склонны приписывать сверхрегулирование властному инстинкту людей, издающих законодательные предписания — но это, конечно, объяснение обыденное, а не научное. Более рациональным было бы считать, что законодатель в данном случае лишь лоббирует интересы той группы, которая экономически выигрывает от правового взрыва. Тогда, по крайней мере, становится более понятно, почему развитие права идет не только стремительно, но и хаотично. Так, М.В. Немытина полагает, что «интересы субъектов — участников правоотношений — являются основой правового регулирования. Формирующиеся в обществе интересы определяют его правовое развитие» [22. С. 299]. Понятно, что интересы различных групп никогда не бывают согласованными настолько, чтобы исключить коллизионность и избыточность соответствующих правил.

Вплотную изучавший процессы развития современного права в позднекапиталистическом обществе профессор Университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне) Гюнтер Тойбнер (*G. Teubner*) использует метафору правового взрыва для того, чтобы отделить широкий социологический подход к правопорядку от собственно юридического [23. Р. 393]. Правоприменители, констатируя усложнение многих процедур, все же не видят за этим процессом никакого качественного скачка, ибо им кажется, что их работа не претерпела серьезных изменений. Правоведы, фиксируя резкий количественный рост нормативного материала, не замечают, в какую сторону и как сильно меняется их образ мысли. Они как бы подхвачены взрывной волной и пребывают в уверенности, что все идет как надо, — в то время как социальная философия, располагая существенно более широким инструментарием, видит за ростом законов, судебных прецедентов и стандартов нечто большее — укрепление сословия юристов, продолжение конкурентной борьбы за монополию на право посредством обязательных и доктринальных толкований устанавливать право [24. Р. 3–4]. Поэтому там, где социолог видит относительную автономию права, юрист тяготеет к автономии абсолютной. Это порождает некую закрытость дискуссий на правовые темы, специфику языка, на котором данные дискуссии ведутся. Будучи закрытой, корпорация правоведов еще сильнее отчуждается от общества, что пагубно влияет и на саму науку, поскольку юристы привыкают к всевластию права и полагаются на его неограниченные социальные возможности. Вердикт Тойбнера весьма прост: сообщество юристов должно идти на некоторые уступки — делать свои дискуссии более прозрачными и понятными для непрофессионалов, а кроме того (и это самое главное) способствовать дерегулированию: везде, где это возможно, сокращать число предписаний, стандартов, технических условий и формуляров.

Итак, под правовым взрывом исследователи понимают неконтролируемое «размножение» правовых текстов, в итоге отрицательно влияющее и на эффективность, и на легитимность, и на справедливость права. Трудно сказать, насколько правы те, кто призывает, подобно Г. Тойбнеру, к приватизации социальных норм и порядков — вполне возможно, что это как-то исправит ситуацию [25]. Но для того, чтобы ее исправлять, необходимо вначале правильно поставить проблему. И метафора правового взрыва здесь весьма уместна, по крайней мере, она гораздо более информативна, нежели метафора эволюции, скрывающая под собой якобы спокойное, планомерное и релевантное общественным целям развитие правовой надстройки. В действительности же, как показывают многочисленные исследования, отдельные правовые инструменты могут использоваться в противоречии с общим предназначением права [20. S. 393].

Завершая рассуждения, можно сделать некоторые общетеоретические выводы. Разные модели социальной реальности возникают в силу того, что субъекты, генерирующие эти модели, занимают различные функциональные места в структуре общества. Если мы будем смотреть на право глазами законодателя или правоприменителя, никакое количество законов не покажется нам избыточным. Здесь вполне уместна модель эволюционирующей правовой действительности. Этой модели присущи три черты. Во-первых, системность (признается наличие связи между структурами и функциями, система определяется по отношению к окружающей среде и наоборот), во-вторых, непрерывность (здесь новое качество возникает как следствие преобразования уже имеющихся качеств, а новые связи базируются на связях прежних), в-третьих, управляемость (система реагирует на информационные сигналы предсказуемым образом). Ясно, что эти три идеала могут стать (и по факту часто становятся) объектами идеологических манипуляций. Указанные свойства правовой действительности лишь с трудом обнаруживаются и подтверждаются эмпирическим материалом — гораздо чаще для них находятся контрпримеры. Но если исследователь-юрист будет выстраивать ту или иную концепцию с учетом рационального характера права, указанных трех принципов ему не избежать.

Если же смотреть на текущую ситуацию в праве со стороны, включая в предмет анализа разнообразные неюридические дискурсы, то динамические процессы в правовой действительности ничем иным, как взрывом, не назовешь. И дело не только в скорости нарастающих изменений, но и в том, что их последствия не могут быть заранее просчитаны. Таким образом, мы имеем дело с очевидно иррациональными явлениями в социуме. Парадокс заключается не в том, что они существуют, а в том, что они спокойно уживаются с теми государственно-правовыми закономерностями, которые гарантируют поступательное совершенствование права. В итоге складывается такая ситуация: любая правовая реформа в развитом капиталистическом обществе кажется вполне осуществимой, но мало кто может поручиться, что ее действительные итоги будут совпадать с тем, что было задумано изначально. Конечно, можно сказать, что такой реформе не достает демократичности. В данном случае, безусловно, права М.В. Немытина, по словам которой «решения, принятые органами государст-

венной власти без «включения» адекватных механизмов согласования с обществом, носят авторитаристский и волюнтаристский характер» [26. С. 62]. Но, как нам представляется, этим проблему ограничить невозможно. Очевидно, что в социальной реальности возникают некие флуктуации, о которых наука пока не имеет четкого представления — отсюда и метафоричность описаний, исследованных выше. Причина таких «слепых пятен» достаточно очевидна — трудно связать между собой количественные изменения и качественные. Для первых есть только одна шкала измерений (и она одномерна), для вторых таких шкал может быть любое количество (и каждая в свою очередь многомерна). Следовательно, для любой конкретной исследовательской задачи эту связь нужно конструировать заново, что требует учета массы культурных, психологических и антропологических данных. Хочется надеяться, что между юристами-практиками и теоретиками возможно взаимно-обогащающее понимание. Множество актуальных задач требуют своего решения, а некоторым, как было показано в данной работе, необходима хотя бы первичная проблематизация. Модели развития права, о которых шла речь выше, заслуживают, несомненно, более пристального внимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Алексеев К.И.* Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 40–50.
- [2] *Попова Е.А.* Эволюция понятий «справедливость», «добросовестность», «доверие» в римском и немецком праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 178–180.
- [3] *Чиркин В.Е.* Право частной собственности: конституционная эволюция // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 25–36.
- [4] *Сыченко Е.В.* Некоторые аспекты эволюции Европейской Конвенции по правам человека // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 53–58.
- [5] *Джмилль И.А.* Социальное государство: эволюция концепции // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2007. № 1. С. 77–82.
- [6] *Новак З.А.* Эволюция представлений о функциях государства // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 15–18.
- [7] *Кириченко К.А.* Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 10–13.
- [8] *Вышковарцев В.В.* Эволюция законодательства о праве граждан на тишину и покой (на примере Московской области) // 20 лет Конституции России: Актуальные проблемы развития правового государства. Иркутск: Издательство Байкальского государственного университета экономики и права, 2014. С. 57–61.
- [9] *Валдаев Е.В., Гуров А.И.* Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 1. С. 45–49.
- [10] *Чурочкина О.С.* Эволюция развития института защиты прав потребителей в России (исторический и нормативно-правовой аспекты) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 22–26.
- [11] *Гигинейшвили М.Т.* Эволюция криминализации апартеида в международном праве // Современное право. 2014. № 12-1. С. 65–74.

- [12] Якушев А.Н., Высоков Э.А. Эволюция тематики диссертационных исследований по полицейскому праву в Российской Империи // Закон и право. 2012. № 11. С. 32–34.
- [13] Тюленева М.А. К вопросу об эволюции взглядов В.Д. Спасовича на эффективность суда с участием присяжных заседателей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–2. С. 239–241.
- [14] Страшун Б.А. Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию. Часть 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 106–120.
- [15] Ахметгараев И.Р. Функции права: эволюция и модернизация // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 85–86.
- [16] Веденеев Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex Russica. 2015. № 5. С. 7–22.
- [17] Байтеева М.В. Эволюция принципов права в современном государстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 2. С. 84–87.
- [18] Ковкель Н.Ф. Логика и язык закона. Минск: Право и экономика, 2009. 297 с.
- [19] Ветютнев Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 72–78.
- [20] Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 667 s.
- [21] Barton J.H. Behind the Legal Explosion // Stanford Law Review. 1975. Vol. 27. No. 3. Pp. 567–584.
- [22] Немытина М.В. Корпоративно-публичное правовое регулирование: теория и практика // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 298–301.
- [23] Teubner G. Juridification of Social Spheres: a comparative analysis in the areas of labor, corporate, antitrust and welfare law. Berlin: De Gruyter, 1987. 446 p.
- [24] Bourdieu P. La force du droit. Éléments pour une sociologie du champ juridique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. Vol. 64. No. 1. Pp. 3–19.
- [25] Денисенко В.В. Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.
- [26] Немытина М.В. Трехмерная коммуникативная модель правообразования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4. С. 59–70.

MODEL OF LEGAL PROGRESS: FROM “EVOLUTION” TO “EXPLOSION”

M.A. Beljaev

Voronezh State University
Faculty of Philosophy and Psychology
Universitetskaja sq., 1, Voronezh, Russian Federation, 394018

This article is devoted to legal progress and metaphors, which describes it. The author proposes to analyze two metaphors — “evolution” and “explosion”. These quasi-concepts are relevant to the study of dialectical interaction between quantity and quality. Thereby most abstract level of philosophical methodology will be applied to the juridical issues. According to author’s statement, each scientific concept has epistemic and social grounds. Former bound concept with cognitive aspect of legal activity, latter describe communicative characteristics of actors, which activities changed the legal system.

As a result, the following conclusions were obtained. On the one hand, because the law has system-ordered configuration and predictable effects, its development can be called “evolution”. On the other hand, since the development of the law is often intermittent, chaotic, unpredictable, it has rightly been compared with the explosion. It is shown that these metaphors reflected of different models of so-

cial reality. Different images of social world exists because actors, which created it, occupy different functional position in the structure of society. In this sense, the evolutionary model corresponds to the position of law enforcers, and chaotic — the position of independent theorists. The paradox lies in the fact that in law necessity and contingency coexist peacefully. Thus, the science does not yet have a universal scheme of quantitative and qualitative changes connected in the law. For any specific research tasks to design this connection again, that requires taking into account the mass of cultural, psychological and anthropological data.

Key words: law; state; legal science; evolution; juridification; proliferation of law; legal explosion; system methodology; rationality; chaos; deregulation.

REFERENCES

- [1] Alekseev KI. Metaphor in scientific discourse. *Psychological Discourse Studies*. Pavlova ND, ed. Moscow: PER SE; 2002. p. 40–50. (In Russ.).
- [2] Popova EA. The evolution of the concepts of «justice», «honesty», «confidence» in the Roman and German law. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014; (3-2):178–180. (In Russ.).
- [3] Chirkin VE. The Right of Private Property: Constitutional Evolution. *Journal of Russian Law*. 2015; (4): 25–36. (In Russ.).
- [4] Sy'chenko EV. Some aspects of evolution of the European Convention of Human Rights. *Labour Law in Russia and Abroad*. 2014;(4):53–58. (In Russ.).
- [5] Dzhmil' IA. Social oriented state: evolution of concept. *Vestnik BSU. Series 3: History. Economics. Law*. 2007;(1):77–82. (In Russ.).
- [6] Novak ZA. Evolution of ideas about the functions of the state. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2014;(5):15–18. (In Russ.).
- [7] Kirichenko KA. Right of a child to information on the origin thereof: evolution of international-law standards and perspectives of development of Russian law. *Family and Housing law*. 2015;(4):10–13. (In Russ.).
- [8] Vyshkvatsev VV. Evolution of the law on the rights of citizens to repose and quietness (illustrated Moscow region). *20 let Konstitutsii Rossii: Aktual'nye problemy razvitiya pravovogo gosudarstva*. Irkutsk: Izdatel'stvo Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava; 2014. p. 57–61. (In Russ.).
- [9] Valdaev EV, Gurov AI. The evolution of the legislation on responsibility for traffic offences by the law of Russia. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2015;(1):45–49. (In Russ.).
- [10] Churochkina OS. Evolution of the institute for the protection of the rights of consumers in russia (historical and legal aspects). *Civil Society in Russia and Abroad*. 2013;(4):22–26. (In Russ.).
- [11] Giginejshvili MT. Evolution of Criminalization of Apartheid in International Law. *The Modern Law*. 2014;(12-1):65–74. (In Russ.).
- [12] Yakushev AN, Vysokov EA. Evolution of topics doctoral research policing law in the Russian empire. *Law & Legislation*. 2012;(11):32–34. (In Russ.).
- [13] Tjuleneva MA. On the question about the evolution of Spasovich's views on the efficiency of courts with the participation of jurors. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014;(3-2):239–241. (In Russ.).
- [14] Strashun BA. Evolution of constitutional justice in Russia. Part 1. *The Comparative Constitutional Review Journal*. 2016;(1):106–120. (In Russ.).
- [15] Ahmetgaraev IR. Functions of Law: Evolution and Modernization. *Gaps in Russian Legislation*. 2009;(4):85–86. (In Russ.).
- [16] Vedeneev YA. Reality of law: ontological and epistemological dimensions. *Lex Russica*. 2015;(5):7–22. (In Russ.).

- [17] Bajteeva MV. Evolution of legal principles in modern state. *Actual Problems of economics and law*. 2007;(2):84–87. (In Russ.).
- [18] Kovkel' NF. *Logika i yazyk zakona*. Minsk: Pravo i ekonomika; 2009. 297 p. (In Russ.).
- [19] Vetjutnev YuYu. Contingency and chaos in law. *Russian Law Journal*. 2003;(7):72–78. (In Russ.).
- [20] Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1992. 667 s. (In German).
- [21] Barton JH. Behind the Legal Explosion. *Stanford Law Review*. 1975;27(3):567–584. (In English). doi: 10.2307/1228327.
- [22] Nemytina MV. Corporate-public regulation: legal aspects. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2014;(8):298–301. (In Russ.).
- [23] Teubner G. *Juridification of Social Spheres: a comparative analysis in the areas of labor, corporate, antitrust and welfare law*. Berlin: De Gruyter; 1987. 446 p. (In English).
- [24] Bourdieu P. La force du droit. Éléments pour une sociologie du champ juridique. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1986; 64(1):3–19. (In French). doi: 10.3406/arss.1986.2332.
- [25] Denisenko VV. Mediation in public and private law and its necessity from the perspective of modern theories of legal consciousness. *Magistrate Judge*. 2015; (8):15–20. (In Russ.).
- [26] Nemytina MV. The three-dimensional communicative model of law-making process. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. 2015;(4):59–70. (In Russ.).